

Другая жизнь Сергея Довлатова

«Благородство здесь так же обычно, как нездоровый цвет лица, долги и вечная самоирония... Сочетание неполноценности и превосходства делает его весьма язвительным господином», — писал Сергей Довлатов о Ленинграде. Впрочем, эти слова и о нем самом — долги и вечная самоирония...

Свои долги он заплатил сполна. Ленинград, став Петербургом, долги отдает ему уже посмертно. Стотысячным тиражом выходит трехтомник полного собрания прозы Довлатова, подготовленный к печати редакцией журнала «Звезда». Того самого журнала, о котором Довлатов вспоминал: «Я исполнял мелкую безопасную халтуру для крупнейшего партийного издания «Звезда». Редактор Холопов (негодяй высшей марки) знал, что я печатаюсь в «Континенте». Он сказал: пока нет указаний из Смольного, работайте!» Сегодня редактором «Звезды» работает один из ближайших друзей писателя Андрей Арьев. Может быть, во многом благодаря этой дружбе, кроме трехтомника, журнал готовит мартовский номер, целиком посвященный Довлатову. Как рассказал Андрей Арьев, туда войдет книга, не изданная на родине писателя, «Марш одиноких» — о том, как в эмиграции Довлатов создал и редактировал еженедельник «Новый американец». Войдет ранее нигде не опубликованная повесть «Отражение в самоваре» — пародия на литературные нравы 60 — 70-х годов. Будет напечатана и ранняя проза писателя, но только та, что была им переработана в эмиграции. Перед смертью Довлатов строго запретил жене и друзьям переиздавать то, что было издано в России, даже в заведении упомянул.

— Он считал, что это халтура, — поясняет Андрей Арьев, — и действительно, рассказы, написанные в России, несравнимы с теми, что он стал писать на Западе. Даже стиль изменился. Заметьте, у него в предложениях ни одно слово не начинается с одной и той же буквы. Он специально затруднял себе процесс писания, чтобы не срываться на скоропись, на автоматизм. Я однажды рассказал Сереже о французском прозаике, умудрившемся, пренебрегши одной из букв алфавита, написать целый роман. Сошлись мы после некоторой дискуссии на том, что понадобилось это писателю не из страсти к формальным решениям, а для того, чтобы, ограничив себя в одном твердом пункте, обрести шанс для виртуозной свободы. Сережа нашел более изысканный способ самовыражения, давший исключительный эффект. В мартовский номер «Звезды» войдет и блестящая довлатовская эссеистика, остроумные литературные портреты друзей и недругов писателей, не уместившиеся в трехтомнике. Войдут письма, которые Довлатов писал, пожалуй, еще более остроумно, чем литературные портреты, видимо, не сдерживая себя самоцензурой.

Моск. новостн. 1993-
Звезд. -
с. В1; В5
(Окончание на В5).

Другая жизнь Сергея Довлатова

(Окончание. Начало на В1.)

— Довлатов часто рассказывал о людях истории, мягко говоря, героев не украшавшие, — вспоминает Андрей Арьев. — Эта позиция, и ангела превратившая бы в мизантропа, если не в циника, загадочным образом составила ему к концу жизни репутацию едва ли не филантропа, всеобщего заступника. И дело даже не в том, что в жизни он был ярко выраженным бессребреником. Просто, положи руку на сердце, Довлатов сам был «лишним героем». Не чудак, как его герои, нет. Личностью, чуждой здравого смысла и бранных желаний, его не представишь. Просто этот живейший человек, виртуозный мастер слова оказался при жизни ненужным, лишним в советской культуре. Во время нашей последней встречи в Нью-Йорке Сережа несколько раз заговаривал со мной о Кафке. С оттенком тревожного недоумения он признавался, что этот автор все больше захватывает его воображение. «Конечно, принято считать, — усмехался он, — что Кафка не довлатовского ума дело. Помнишь, мы ведь и сами орали на филфаке: «Долой Кафку и Пруста! Да здравствуют Джек Лондон и Виталий Бианки!» Теперь, видно, аукнулось. Прямо какое-то наваждение: писатель, самым жесточайшим образом обделенный чувством юмора, вдруг не дает мне покоя...»

— Может быть, Довлатова мучила какая-то нерезализованность?

— Скорее всего недооценка. Я помню, он довольно раздражительно отзывался об одном, кстати, доброжелательно настроенном к нему, критике: «Когда он пишет о любом советском выдвиженце, каком-нибудь орденосном Семене Семеныче, тут у него Пушкин и Данте прямо с языка не сходят. А когда кто-нибудь сравнит Довлатова хотя бы с Куприным, он

считает сравнение не по рангу высоким и смешным. Я, конечно, и сам вздрагиваю, когда меня тут сравнивают с Достоевским или извлекают из моих персонажей «русскую душу». Но все-таки, если я принят в литературу как человек более или менее ей не чуждый, значит, и у меня есть какая-то литературная генеалогия».

— Сергея Довлатова на Западе действительно сравнивали с Достоевским?

— Неоднократно. Мне нравится одно очень выразительное высказывание: «Характеры Довлатова горят так же ярко, как и у Достоевского, но в гораздо более легкомысленном аду».

Редактор «Звезды» мечтает включить в номер, посвященный Довлатову, и последний его рассказ, еще нигде не опубликованный — «Старый петух, запеченный в глине». Если вдова писателя согласится передать его в «Звезду», то читатель получит прекрасный образец филигранного писательского мастерства.

Последней колонкой номера будет «последняя колонка редактора Довлатова», опубликованная в еженедельнике «Новый американец». Он не успел увидеть, как развиваются события на родине, но начало их уловил и в Америке. Советские люди и в Америке советские: «... Меня смущает кипучий антикоммунизм, завладевший умами бывших недавних партийных товарищей. Где вы раньше-то были; не знающие страха публицисты? Где вы таили свои обличительные концепции? В тюрьму шли Синявский и Гинзбург. А где были вы?.. Тоталитаризм — это вы. Тоталитаризм — это цензура, отсутствие гласности, монополизация рынка, шпиономания, консервативный язык, замалчивание истинного дара. Тоталитаризм — это чинопочитание, верноподданничество и приниженность... Я всегда говорил то, что думал. Ведь единственной целью моей эмиграции была свобода. А тот, кто любит свободу, рано или поздно будет достоин ее».

Виктория ВОЛОШИНА